

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В.В.Куницкий, Ф.А.Шумский, БГПУ (Минск)

Поражение Германии а первой мировой войне и подписание Версальского мира существенно изменили её внешнеполитическое положение. Единая линия западных держав-победительниц угрожала дипломатической изоляцией Германии и заставляла ее искать политических контактов помимо стран Антанты. Поэтому понятно, что нормализация отношений с Советской Россией была для немецкого государства жизненной потребностью, однако германские правящие круги склонны были учитывать интервенционистскую позицию Англии и США и весьма осторожно шли на установление отношений с Советской Россией. Однако экономическая и международная (политико-дипломатическая) необходимость выхода из изоляции в конечном итоге заставила германские правящие круги преодолеть обусловленную классовыми интересами отчужденность и враждебность к социалистическому государству.

Дело в том, что вытеснение германской промышленности с мировых рынков западными державами и репарационное бремя заставили германское правительство всерьез взвесить экономические потребности страны и искать надежных экономических контактов. В этом вопросе Советская Россия была одним из важнейших партнеров не только для Германии, но и в целом европейских держав. Неслучайно, анализируя послевоенное положение Германии, В. И. Ленин писал: «Немецкое буржуазное правительство бешено ненавидит большевиков, но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания» [9, с. 79]Е

Таким образом, в условиях международной изоляции, резкого ухудшения экономического состояния страны германское правительство осознало жизненную необходимость установления добрососедских отношений с Советской Россией на принципах мирного сосуществования, вступило на путь переговоров, в ходе которых, прежде всего, решались проблемы, как политического, так и экономического характера.

Понятно, что объективные факторы, способствовавшие нормализации отношений между Советской Россией и Германией могли быть реализованы только благодаря последовательной и активной деятельности молодой советской дипломатии - с одной стороны, и повороту к реализму в германских правительственных кругах - с другой. Так называемую восточную ориентацию внешней политики Германии поддержали такие ее деятели, как ЙЕ Вирт (глава правительства). АЕ фон Мальцан (заведующий Восточным отделом МИД), а также, в определенной мере, ВЕ Ратенау (министр иностранных дел). В военных кругах эту политику поддержал генерал Сект [6, с. 70]Е

Созыв международной конференции для обсуждения проблем послевоенного сотрудничества государств в деле экономического восстановления весьма серьезно назрел уже к концу 1921 года. Советское правительство, желая наладить экономическое сотрудничество с капиталистическими странами, готово было пойти на обсуждение вопроса о долгах и даже сделать некоторые уступки в этом вопросе. Оно предложило конструктивную основу для урегулирования взаимных материальных претензий и потребовало признания советского государства другими странами. «Для этой цели Российское Правительство,- говорило в ноте от 28 октября 1921 года, - предлагает скорейший созыв международной конференции, которая бы рассмотрела требования других держав к Российскому Правительству, а также требования Российского Правительства к этим державам и выработала бы между ними окончательный мирный договор. Лишь после созыва этой конференции может быть достигнуто всеобщее умиротворение» [3, с. 110].

На совещание, которое проходило в Каннах с 6 по 13 января 1922 года, странами Антанты было принято решение о созыве экономической конференции европейских государств. Они пригласили на эту конференцию побежденные в первой мировой войне страны (в том числе Германию), а также Советскую Россию. Условия налаживания отношений были сформулированы державами в известной каннской резолюции от 6 января 1922 года. Уже 7 января 1922 года МИД Италии передал советской экономической делегации письмо с приглашением советского правительства и лично В.И.Ленина принять участие в конференции. На другой же день советское правительство ответило, что принимает приглашение на конференцию, открытие которой было намечено на начало марта в Генуе. 13 января 1922 года советскому правительству была направлена копия каннской резолюции.

При этом следует отметить, что советское правительство, принимая приглашение, сохраняло за собой свободу ведения переговоров не только с блоком государств, но и с отдельными участниками конференции на равноправной основе.Е

В условиях подготовки европейских стран к конференции в Генуе, когда правительства крупных держав Европы не проявили намерения идти на уступки и облегчение версальского бремени Германии, в ее правящих кругах усилилась тенденция к соглашению с советским правительством. Советская дипломатия умело использовала сложившееся положение, предложив деловую основу для отстаивания жизненно важных интересов обеих стран: отказ от взаимных претензий и налаживание экономического сотрудничества.Е

Тотчас после приглашения в Геную В. И. Ленин предложил проведение с некоторыми буржуазными правительствами неофициальных секретных переговоров «о предварительном согласовании конкретной линии в Генуе» [4, с. 54—58]Е Ленинская директива, посланная в Берлин в конце января 1922 г.Е и касавшаяся экономического сотрудничества, гласила: «Необходимо действовать быстро, чтобы до Генуи иметь позитивные результаты». Таким образом, предварительные переговоры позволили выяснить позиции сторон и облегчили выработку текста договора и согласование основных пунктов еще до Генуи. Однако в ходе переговоров выявились проблемы и трудности, для преодоления которых нужна была готовность с обеих сторон к компромиссу и соглашению.

В ходе обсуждения проблемы отношений с Советской Россией внутри германских правящих кругов в начале 1922 года наметились две линии: ЙЕ Вирт, А. Мальцан выступали за продолжение переговоров с целью поиска путей урегулирования, Ратенау и Стиннес (глава одного из крупнейших концернов тяжелой промышленности в Германии) - за согласование германской политики с Англией и США с целью навязать Советской России жесткие условия [5, с. 164]Е

В середине февраля советская сторона заявила канцлеру Вирту, что в ходе переговоров так и не была разработана приемлемая основа для экономического урегулирования и что целесообразно

эти переговоры, прервать. Однако Вирт заверил, что будут приняты меры для изыскания возможностей соглашения. 16 февраля Мальцан предложил советским представителям (Л.Б. Красин и др.) для рассмотрения проект предварительного политического соглашения Проект предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений в ближайшее время. Урегулирование претензий за национализированную в РСФСР германскую собственность планировалось решить в ходе дальнейших переговоров. Вместе с тем проект Мальцана не предусматривал немедленного восстановления дипломатических отношений, и, соответственно, не фиксировал отказа Германии от претензий на национализированную в Советской России германскую собственность, не гарантировал предоставление кредитов Советской России для налаживания экономических отношений.

По существу, вручением проекта Мальцана завершился первый этап советско-германских переговоров в период подготовки к Генуэзской конференции. Таким образом, после 17 февраля переговоры были фактически прекращены и возобновились только по прибытии в Берлин советской делегации проездом в Геную в начале апреля 1922 года. В Берлине советские дипломаты имели намерение завершить переговоры, начатые в январе - феврале, и заключить с Германией соглашение еще перед Генуэзской конференцией. В день приезда в Берлин руководители советской делегации устроили совещание с сотрудниками своего представительства и обсудили вопрос о переговорах с германским правительством. Ключевым моментом советской позиции в деле выработки соглашения с Германией был взаимный отказ от претензий: с одной стороны было важно зафиксировать отказ Советской России от претензий по ст. 116 Версальского договора, которая давала России право на получение репараций с Германии, то для советской стороны было принципиально важно добиться отказа Германии от претензий на возмещение национализированной в Советской России собственности. Формула отказа Германии от претензий была предметом длительного обсуждения, пока, наконец, Ратенау не предложил Г. В. Чичерину компромисс, в договоре может быть указано, что Германия отказывается от «убытков по социализации» при условии, что и Советская Россия не будет платить вознаграждения и другим государствам, а в секретном приложении будет отмечено, что если все-таки будут удовлетворены претензии какой-либо другой державы, то претензии Германии снова будут предметом рассмотрения. Это было приемлемой основой компромисса. Устная договоренность между Чичериным и Ратенау, казалось бы открыла дверь для соглашения. Однако утром 4 апреля Мальцан, пришедший для окончательного обсуждения проекта, положил на стол собственный проект, который был шагом назад. Он формулировал «отказ» Германии от претензий следующим образом: «Германия оставляет за собой право требовать возмещения, однако готова отказаться, если откажутся другие». «Новая» формула Мальцана была неприемлема для советской делегации, как по существу, так и с точки зрения дипломатической тактики на Генуэзской конференции. Было совершенно очевидным, что германская дипломатия не хочет подписывать соглашение до открытия Генуэзской конференции. Следовательно, германская дипломатия, решив сделать «вопрос об убытках по социализации» главным предметом торга, создала, таким образом, искусственное препятствие для достижения соглашения. Фактически условия урегулирования были выяснены сторонами уже к этому времени, однако германское правительство не пошло на подписание договора до начала Генуэзской конференции по тактическим соображениям, надеясь получить уступки не только от Советской России, но и от Антанты. Советская дипломатия не питала иллюзий относительно готовности германского правительства к соглашению еще до Генуэзской конференции. «Общее мнение делегации сводилось к тому, что до Генуи немцы на желательное советской России соглашение не пойдут» [10, с. 277-278].

Все это свидетельствовало о том, что Германия проводила политику лавирования, которая, таким образом, тормозила нормализацию отношений с Советской Россией и представляла собой выжидание исхода противоборства советской государственной с окружающей капиталистическим миром Газета «Роте фане» писала 28 марта 1922 года: «Правительство Вирта-Ратенау счастливо уселось между двумя стульями, оглядываясь на Антанту, оно делает то шаг вперед, то шаг назад, боясь понастоящему связаться с Советской Россией» [11, с. 43].

Главными итогами переговоров советской делегации в Берлине 1-4 апреля 1922 года были согласование текста договора (кроме одного пункта об отказе от претензий по национализации), подтверждение сторонами готовности искать компромиссную основу для соглашения и договоренность продолжить двусторонние переговоры в Генуе. Перед отъездом из Берлина Г. В. Чичерин отправил в Москву краткое сообщение об итогах дипломатических контактов. «Немцы вели переговоры с нами, чтобы показать, что якобы они хотят соглашения с Советской Россией, но по всему видно, что в действительности они хотели, чтобы ничего не вышло. Переговоры продолжатся в Генуе» [1, с. 265].

Международная экономическая конференция, открывшаяся 10 апреля 1922 года во дворце Санджорджо в Генуе и продолжавшаяся до середины мая того же года, проходила в атмосфере сложной и напряженной дипломатической борьбы, в ходе которой дипломатия Запада стремилась поставить Советскую Россию на колени, выдвинув вновь принятие «каннских принципов» в центр внимания европейской конференции.

Приглашение советской делегации на Генуэзскую конференцию было признанием де-факто Советской России, однако это еще не означало юридического признания советского государства и тем

более союзных советских республик. Западные державы в первые же дни вручили советской делегации подготовленный ранее Лондонский меморандум экспертов, который требовал от Советской России выплаты долгов прежних правительств, отмены монополии внешней торговли и компенсации национализированной собственности. Правда, доклад экспертов оставлял за ней право потребовать от Германии компенсации военного ущерба по ст. 116 Версальского договора. Это был, несомненно, тактический просчет английской и французской дипломатии, которые таким образом толкали Германию и Советскую Россию на путь поиска двустороннего решения проблемы взаимных претензий.

Вслед за предъявлением необоснованного счета советская делегация была приглашена на неофициальные «приватные» беседы в узком кругу на вилле Альбертис, в резиденции Ллойд-Джорджа. Этим переговорам западные державы придавали решающее значение, полагая, что в ходе их удастся навязать Советской России условия возобновления экономического сотрудничества.

Закрытые переговоры 14-15 апреля 1922 г. и толки вокруг них оказали решающее влияние на линию поведения германской делегации, которая приехала в Геную со «свободными руками», чтобы сотрудничать с Антантой, однако оказалась вне обсуждения проблем отношений с Советской Россией. Ратенау саркастически парировал, имея в виду выработку соглашения с Советской Россией без участия Германии: «Приготовлен чудесный обед, нас на этот обед не пригласили, однако спрашивают, как нам нравится меню» [7, с. 113а]

К вечеру 15 апреля распространились сенсационные слухи, что соглашение между «приглашающими державами» и Советской Россией уже достигнуто. Германская делегация была весьма озабочена сложившейся ситуацией. Эмоционально-психологическая атмосфера, в которой она оказалась вечером 15 апреля, усугублялась тем, что поступавшие новые сообщения и мнения не опровергали угрозу полной изоляции для Германии.

В этой обстановке неопределенности для Германии, когда английская дипломатия проявила максимальную сдержанность и незаинтересованность, полагая, очевидно, что Германия и Советская Россия едва ли решатся на отдельный двусторонний договор, советская дипломатия проявила реализм и внимание к нуждам и положению Германии. Драматический телефонный звонок и ночной разговор, вошедший в историю дипломатии как пример реалистического подхода к нормам дипломатического протокола, выгледит в оригинальной записи Мальцана обыденно просто «Ночью около 1 час 15 мин. мне позвонил Иоффе и заявил, что русская делегация готова вступить в новые переговоры с германской делегацией и была бы признательна, если бы мы с этой целью прибыли в Рапалло в воскресенье около 11 часов. На мой вопрос он ответил, что окончательное соглашение с союзниками еще не достигнуто, но перспектива соглашения имеется и что предполагается возобновить переговоры в понедельник или во вторник». В официальной записи Мальцан сухо сообщает, что тотчас доложил Симеону и Ратенау о новом обороте дела, однако опускает подробности ночного бдения германских делегатов, т.н. «пижамного совещания» [9, с. 174-175]Е

В итоге оживленного обмена мнениями в германской резиденции к утру было решено принять приглашение Советской России. После ночного телефонного звонка Иоффе и «пижамного совещания» 16 апреля днем в Берлин была отправлена телеграмма: «здесьшая политическая обстановка в целом требует, по-видимому подписания отдельного соглашения с Россией с целью обеспечения германских прав, которым угрожают известные лондонские положения. Все находящиеся здесь представители партий и эксперты настойчиво высказываются за заключение договора, чтобы избежать изоляции» [8, с. 187].

16 апреля 1922 года около 12 часов дня рейхсминистр Ратенау вместе со статс-секретарями Симеоном и Мальцаном прибыли в Рапалло. Ратенау предложил Чичерину снова обсудить текст договора и поставил условие - оговорить гарантию, что Германия будет поставлена в равные условия с другими государствами в случае удовлетворения претензий «по социализации». Советские и германские представители занялись доработкой текста договора. В конце дня нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин и министр иностранных дел Германии В. Ратенау подписали выработанный текст договора. Это договор предусматривал: 1. Признание Советской России Германией де-юре и немедленное возобновление дипломатических отношений; 2. Взаимный отказ от военных расходов и военных убытков; 3. Германия отказалась от претензий на национализированное в Советской России имущество германских граждан и признавала аннулирование долгов царизма при условии, что Советское правительство «не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств»; 4. Советское правительство отказалось от своей доли в репарационных платежах, предусмотренной Версальским договором. Это создало прецедент урегулирования отношений Советского государства с капиталистическими странами. Договор предусматривал также широкое развитие торговых и правовых отношений на основе принципа наибольшего благоприятствования [2, с. 159-160]Е

В дополнение к договору стороны обменялись не подлежащими опубликованию письмами, по смыслу которых в случае удовлетворения Советским правительством претензий третьих стран по национализированной собственности, германская сторона ставилась в равное положение, в свою очередь Германия взяла обязательство не участвовать в сделках международного консорциума без согласия на то Советского правительства.

Договор получил широкую поддержку в деловых и политических кругах Германии. Неслучайно, компартия Германии в связи с заключением договора опубликовала в конце апреля 1922 года воз-

звание, в котором говорилось: «Российская делегация протянула Германии руку и заключила с ней справедливый, выгодный для обоих народов договор» [4, с. 145]. Подписание Рапалльского договора имело широкий резонанс в мире: «Опубликование русско-германского договора произвело впечатление разорвавшейся бомбы». Русские, кричала западная печать, «выкинули необычайный театральный трюк», преподнесли союзникам «пасхальное яичко» (16 апреля была Пасха) [6, с. 7-8]» Дипломатические акции западных держав с целью заставить Германию отказаться от заключенного договора не возымели желаемого действия. Советская и германская делегация заняли твердую позицию, отстаивая согласованно свое право регулировать отношения на двусторонней основе.

Таким образом, позиция стран Антанты в отношении к советскому государству и Германии, оказавшихся фактически в изоляции во время международной экономической конференции, предопределила ход дальнейших событий. Генуэзская конференция 1922 года и заключенный во время этой конференции между Советской Россией и Германией Рапалльский договор вошли в историю новейшего времени как выдающиеся события, как первый крупный успех провозглашенной советским правительством политики мирного сосуществования государств различных социально-политических систем. Заключение Рапалльского договора создало крепкую правовую базу для становления межгосударственных отношений, и дальнейшего признания де-юре советского государства западными странами» Заключение договора между Советским государством и Германией положило начало целому историческому периоду взаимовыгодного сотрудничества двух стран» Отношения, основанные на этом двустороннем договоре, получили название рапалльской политики.

Литература

1. Верт, Н. История советского государства. 1900-1991 гг. - М. ТОО «Прогресс-Академия», 1992 - 537 с
2. Документы внешней политики СССР. Т. 4. - М.: Политиздат, 1960. - 597 с.
3. Кобляков, И.К. От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. - М.: Госполитиздат, 1954 - 252 с.
4. Кремер, И. С. Очерки истории внешней политики СССР. (1917-1963 гг.). - М. Просвещение, 1964. - 228 с.
5. Кульбакин, В. Д. Очерки новейшей истории Германии - М.: Соцэкгиз. 1962 - 67 F с.
6. Орлова, М. И. Буржуазная историография ФРГ о Рапалльской политике Веймарской республики // Вопросы истории. - Москва, 1978, № 5
7. Росенко, И. А. Советско-германские отношения. (1921-1922 гг.) / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. - 159 с.
8. Советская внешняя политика 1917-1945 гг. Поиски новых подходов / Отв. ред. Л. Н. Нежинский - Москва. Междунар. Отношения, 1992 - 348 с
9. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. 1919-1922гг. М.: Политиздат, 1971. - Т. 2. - 596 с.
10. Советско-германские отношения. 1925-1933 гг. / М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел ГДР. - 1977. - 383 с.
11. Штейн, Б. Е. Генуэзская конференция. - М. Главн. Упр. Гос. Изд-ва, 1922. - 126 с.